

СВЕТЛАНА ПЕТРУШИНА

ЗЕРКАЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Петрушина

Зеркало

<https://litres.ru/73979314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лида Рублева замужем за успешным ресторатором и живёт на вершине московского небоскрёба. У неё нет бытовых проблем, зато есть одиночество. В Рождественскую ночь Лида шепчет перед иконой: «Я прошу любви». И в тот же миг свеча в её руке гаснет.

Случайно наткнувшись в самиздате на таинственного Кирилла Морозова. Лида проглатывает его роман за ночь. Автор с рейтингом в три звезды пишет так, будто читает ее мысли.

Лида отправляет ему письмо.

Он отвечает.

Их переписка перерастает в нечто большее...

Содержание

Глава 1. В которой Лиде стыдно.	4
Глава 2. В которой Лида находит книгу.	13
Глава 3. В которой Лида снова смотрится в зеркало.	20
Глава 4. В которой Кирилл Морозов проверяет почту.	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Светлана Петрушина

Зеркало

Глава 1. В которой Лиде стыдно.

Данное произведение предназначено исключительно для читателей, достигших 18-летнего возраста. В книге содержатся откровенные сцены, ненормативная лексика, употребление алкогольных напитков и курение, а также могут затрагиваться темы физического насилия. Автор не пропагандирует и не одобряет подобное поведение, а напротив – показывает его негативные последствия и осуждает. Все события и персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми и фактами случайно.

— Господи, помилуй! — пел хор.

— Какая прелесть, правда, Вить? — благоговейно шептала и улыбалась женщина в соболях.

Её спутник, солидный мужчина лет 55-ти в часах Хаблот, согласно кивал. Он скрестил руки на животе, то и дело потирая указательным пальцем статусный зелёный циферблат, и скучаяще переминался с ноги на ногу.

Лида стояла рядом с мужем. Игорь был в крокодиловых ботинках, которые они купили в Риме, в бутике, где продав-

цы запоминали всех покупателей по имени, потому что это было частью их корпоративной культуры. Правой рукой он устанавливал свечу в кандило. Свеча была длинная, дорогая и сужалась ближе к фитилю. Она горела ровно и без копоти. Лида смотрела на уверенно расходящееся в воздухе пламя и думала о том, что огню всё равно, сколько стоит воск.

Впереди, у самого амвона, расположились те, кому это было положено, — чиновники с охраной, замаскированной под прихожан. А также их, чиновников, жёны. В чёрных кружевных платках, воздушно повязанных на выющиеся блондинистые причёски. Чуть поодаль можно было увидеть бизнесменов, которые уже всё купили и теперь не знали, чего ещё хотеть.

Позади них расположились представители малого и среднего бизнеса. Они ещё не всё купили, но уже достаточно, чтобы стоять не у входа. Игорь был здесь. И Лида — рядом с ним, на полшага позади, как и полагается жене.

Остальное место было заполнено обычными людьми, которые пришли просто помолиться Богу. И лучше всех знали о том, что, где бы ты ни располагался в физическом или социальном пространстве, в конечном счёте перед Творцом ты окажешься наравне со всеми.

В толпе Лида заметила мужчину. Она обратила на него внимание, потому что он хрипло и трудно дышал.

Это был сутулый мужичок невысокого роста лет шестидесяти. А может, и нет. Возраст было сложно определить, по-

сколькy болезни, как известно, старят раньше времени. Он стоял неподалёку от Лиды, у колонны, и каждый вдох давался ему с трудом. При этом он был одет в белоснежную наглаженную рубашку, сияющую похлеще всех этих бриллиантов в Хаблоте. Да, она была пошита из дешёвой ткани, но отпарена настолько тщательно, что складывалось впечатление, будто её только что вытащили из-под утюга. Поверх рубашки был надет бежевый пиджак, поблёкший от неостребованности. Который был из тех вещей, что покупают один раз на всю жизнь. Пиджак сидел на хозяине мешковато. Плечи, некогда широкие, теперь обвисли.

Поводов для праздника у этого человека, наверняка, было немного — подумала Лида. Но сегодня в Рождественскую службу он, этот повод, конечно же, был.

Когда хор запел снова, мужичок опустилcя на колени.

Лида застыла, наблюдая.

Он читал молитвы. Поднимался. Опускался. И снова читал. Несмотря на то, что было тяжело. Вокруг него стояли абсолютно здоровые люди. Они зевали и перетапывались от усталости. А он — нет. То, как он себя вёл и с каким усердием выполнял ритуал, выглядело ошеломляюще! Каждое его медленное, тягостное, но отточенное до миллиметра движение было наполнено таким желанием жить, что Лиду пробирало до костей. Его губы двигались беззвучно, но она различала этот шёпот.

И поняла, что плачет.

Слёзы просто катились по щекам, оставляя за собой мокрые полоски, и приземлялись на воротник светлого кашемирового пальто. Лида не могла себя остановить или одёрнуть. Кто-то уже косился на неё. А Игорь и не заметил. Он смотрел на амвон.

Лида закрыла глаза, чтобы успокоиться. И поняла, что только что видела перед собой истинный пример абсолютнейшего жизнелюбия. Не от доморощенных психологов в экране смартфона. А от такого вот тихого человека, преданного Богу и вере.

Служба кончилась. Толпа медленно потекла к выходу.

Игорь взял жену за руку и повёл за собой, прокладывая путь. Они проходили мимо мужичка, который всё ещё стоял у колонны, но теперь просто смотрел на иконостас. Лида обернулась. Ей хотелось что-то сказать ему. Но что, она ещё не придумала.

«Спасибо»?

«Я вас запомню на всю жизнь»? Всё это было бы глупо. И он бы не понял. Или понял бы, но смутился. Такие люди не привыкли, чтобы их замечали.

У выхода Игоря остановил какой-то партнёр. Лида уже привыкла к тому, что эти партнёры вырастали из-под земли в самый неподходящий момент. Мужчины заговорили о делах. А она молча стояла сзади.

И тут Лида увидела икону, висевшую слева от выхода. Икона была небольшая, в позолоченном киоте, с лампадкой,

которая теплилась красноватым огоньком. На ней была изображена Матрона Московская. Её живые, внимательные, всё понимающие глаза смотрели прямо на Лиду.

Перед иконой лежали цветы и догорали чужие свечи с чужими просьбами. Лида отступила обратно к Игорю и аккуратно вытащила из его зажатой руки последнюю толстую свечу, сужающуюся к фитильку. И вернулась к образу.

Матрона снова смотрела на неё. И Лида, сама не понимая до конца, как так вышло, заговорила. Только не вслух, а про себя.

— Матронушка... Я не знаю, как тебе молиться. Меня не научили. Но если ты слышишь... я прошу...

Она запнулась.

Чего она просит?

Чего она хочет?

Ведь у неё всё есть.

И вдруг, ответ пришёл сам собой:

— Я прошу у тебя любви.

Она не уточняла, какой. Не говорила, что «любви мужа». Или «любви к жизни». Просто любви. Как будто это слово вмещало в себе всё, чего ей так не хватало.

— Я очень одинока, Матронушка. У меня всё есть, но я очень одинока. Пошли мне... знак. Я не знаю, как жить дальше. Но я точно знаю, что живу неправильно.

Она замолчала. Внутри стало тихо. Лида поднесла свою свечу к чужой горячей свече, чтобы поджечь фитилёк. Но в

ЭТОТ МОМЕНТ КТО-ТО ВЫХОДИЛ ИЗ ЦЕРКВИ, ПУСТИЛ СКВОЗНЯК. И свеча погасла.

Лида вздрогнула.

Эта свеча была единственно горевшей.

Но теперь от неё поднимался лишь тонкий, едва заметный дымок. Он вился вверх не прямой струйкой, а как-то странно, точно танцевал. Или что-то говорил. А может, это и был знак?

Лида испугалась. Как будто всё это произошло не по законам физики, а по каким-то другим, более весомым законам. И в таком случае, потухшая свеча не сулила ничего хорошего.

Она оглянулась. Игорь всё ещё разговаривал с партнёром. Старуха крестилась у выхода. Мужичок в поблёкшем пиджаке исчез.

Лида снова перевела взгляд на икону.

Матрона смотрела на неё всё тем же тёплым пронизательным взглядом.

— Что это значит? — прошептала Лида.

Дымок исчез.

— Лида, ты где? — Игорь окрикнул её. — Пора ехать. Ты чего?

Муж заметил её потерянность.

— Ничего, — ответила Лида. — Вот только свеча потухла.

— Бывает. Тут сквозняк.

— Да. Сквозняк. — кивнула она и оставила свечу рядом

с иконой.

Но внутри что-то переменялось. Как будто дымок от свечи проник внутрь и остался там.

Они вышли на морозный воздух. Звонили колокола. Лида подняла голову к небу, но неба не было видно. Был только снег, падающий крупными хлопьями. И за снежной завесой угадывались купола храма.

Лиде было стыдно. За то, что она попросила любви. Муж к ней хорошо относился. Даже лучше, чем просто хорошо. Возможно, своей просьбой она разгневала Бога? Поэтому потухла свеча? Он дал ей всё. А она стояла перед иконой и просила любви. Это можно считать предательством?

Да и вообще, Лида не собиралась ничего такого просить и даже не думала об этом, выходя из дома.

Это был странный эмоциональный порыв, о котором она теперь страшно жалела.

Они сели в машину. Водитель плавно вырулил с парковки. В салоне было тепло. И запахло коньяком. Игорь сделал глоток из фляжки, которую всегда носил с собой во внутреннем кармане пальто. И протянул её Лиде. Но она покачала головой. Игорь пожал плечами и убрал фляжку обратно в карман.

Лида отвернулась к окну, чтобы не смотреть на мужа. Мимо проносились яркие гирлянды и пустые заснеженные московские проспекты.

Разглядывая цветные лампочки, Лида вдруг подумала, что, может быть, ей попросту не хватало остроты чувств? Но

острота чувств — это не любовь. А страсть. А страсть — это уж точно не то, о чём просят у святых.

А, возможно, всё было ещё хуже. И она сама не любила мужа. Поэтому ей казалось, что и любви никакой нет.

Она обернулась к Игорю, уткнувшемуся в телефон. Он не заслужил того, чтобы она стояла перед иконой и просила любви, как будто у неё ничего такого никогда и не было.

— Господи, — подумала она, — прости меня. Прости, что я просила любви у Тебя, когда он — вот он, рядом, живой, тёплый и заботливый. Прости, что я, наверное, плохая жена. И плохой человек.

Но даже эта молитва была нечестной. Лида просила прощения не потому, что искренне раскаивалась, а потому, что так было бы правильно.

— Ты сама эта потухшая свеча, Лида! — подумала она про себя. — И Игорь тут ни при чём.

Дома Рублёвых как всегда встретила чистота и тишина. Всё лежало на своих местах. Домработница хорошо постаралась.

Игорь разлил чай. И опустился в кресло перед телевизором.

Лида села на спинку дивана у окна и посмотрела на Москва-Сити. Стекланные башни привычно перемигивались. Иногда ей казалось, что у них свой особый язык. Она водила взглядом по небоскрёбам туда-сюда и думала, что вот она — вершина пирамиды. Пентхаус, в котором сидит жен-

щина и просит у Бога любви, потому что у неё всё есть, кроме неё самой. Дурная...

Лида рассмеялась от того, как точно она вписалась в эту метафору. И стала очередным доказательством того, что все пирамиды рано или поздно приводят в тупик.

Потом она оглянулась на мужа. У Игоря был крупный нос, широкие скулы, чуть тронутый сединой висок. Красивый мужчина. Статный.

Она улеглась на диван, чуть свесив голову, и стала смотреть в панорамное окно снизу вверх. Снег за окном, подсвеченный огнями небоскрёбов, теперь падал в обратном порядке.

В небо.

А может, в пропасть.

Но и в первом, и во втором случае, надо признаться, это равноценно завораживало.

Глава 2. В которой Лида находит книгу.

После праздников город по обыкновению ещё стоял в новогодних гирляндах, на которые уже никто не смотрел.

Башни Москва-Сити напоминали стеклянные клыки, которые пытались растерзать низкие серые тучи снежного заряда. Ветер лупил метелью в панорамные окна. Лиде нравилась такая погода, да и вообще она любила начало года. В январе жизнь отсчитывалась заново. Но сегодня она этого почему-то не чувствовала. Январь, по её теперешним ощущениям, ничем не отличался от декабря или марта.

Игорь уехал в ресторан. У него всегда находились дела. Особенно после праздников. Для рестораторов новогодние каникулы были горячей порой, после которой начиналась ещё более горячая — обновление кухни.

Лида налила себе бокал красного вина. Она не приветствовала такой способ расслабления, но в последнее время он случался с ней всё чаще. Лида до конца не определилась, как к этому относиться. С одной стороны, бокал вина считался вполне себе безобидным занятием. А с другой — периодичность, с которой он наливался, вызывала неприятные мысли.

Лида зашла в кабинет и села за ноутбук. Она вела неболь-

шой блог, в котором публиковала заметки о своей жизни. Ей не нравилось ныть. И она не привыкла жаловаться. Но в последнее время глушить внутреннее недовольство стало не то чтобы невыносимо, но уж точно затруднительно. И говорить о душевных муках Лиде оказалось проще с теми, кто не был знаком с ней лично. Вот такой парадокс.

Ещё Лида писала книги. Хотя ей больше нравилось слово «истории». Она не была уверена в своём писательском таланте. И, по правде говоря, обоснованно. Но в то же время подобное занятие спасало её от нечего неделанья и двигало с позиции «полный ноль» по положительной траектории. И это тоже был аргумент.

Последнюю историю она дописала два месяца назад и не знала, куда её пристроить помимо своего блога. Люди, которые давно читали Лиду, говорили, что она пишет «неплохо», или «хорошо», или «не зря», потому что «помогает отвлечься от бытовых проблем». У Лиды не было бытовых проблем, и ей сложно было оценить глубину подобной формулировки.

Она в сотый раз открыла отредактированный файл. Пробежалась глазами по первым строчкам:

«Господи, помилуй! — пел хор.

— Какая прелесть, правда, Вить? — благоговейно шептала и улыбалась женщина в соболях».

Нет, всё не то.

Хотя почему не то? Лида всё равно не собиралась ничего переписывать. А "то" могло и вовсе никогда не написаться.

А ещё у неё имелся список издательств, сохранённый в закладках «на всякий случай». Вдруг кто-то откликнется и скажет:

- Да, это интересно.

Ну или по крайней мере просветит, что сейчас модно писать. Терять-то всё равно было нечего.

Лида допила вино. Отмечая задним умом, что если бы не этот бокал, она вряд ли бы решилась что-либо куда-либо отправлять.

Рукопись тут же улетела в три крупных издательства. Синописис и краткая биография автора: «Лидия Петровна Рублева, 36 лет, замужем, г. Москва» прилагались соседними файлами. У Лиды Рублевой не имелось никаких регалий, премий, книжных публикаций. Была только история со знаком «?» вместо названия. Она забыла его поправить.

Первый отказ пришёл через три недели.

В вежливой форме было сказано, что роман не вписывается в редакционную политику издательства.

Второй последовал ещё через пять дней без разъяснений. А третий прилетел в начале марта. И был самым информативным.

«Лидия Петровна, мы видим, что у вас есть вкус, язык и чувство ритма. Но рефлексия, увы, не продаётся. Желаем найти своего издателя».

— Да пошли вы в жопу! — выругалась Лида вслух.

И решила: больше не страдать ерундой. В конце концов,

она жена ресторатора, и на это тоже уходит много сил.

Однако вечером, когда Игорь уехал на очередную дегустацию, какая-то сила заставила Лиду, зарекшуюся с утра не садиться больше за ноутбук, снова за него сесть.

Но на этот раз ей не хотелось писать. Она собиралась понять, что сейчас вообще печатают и читают люди.

Лида беспорядочно заходила на сайты читалок и издательств, клацала мышкой по цифрам страниц и листала-ли-стала-ли-стала... Сплошные детективы про маньяков и любовные романы с полуголыми торсами на обложках. Да, третий редактор был прав. Рынок не требовал рефлексии.

Лида уже хотела закрыть вкладку, но случайно кликнула на ссылку в рекламном баннере. «Самиздат. Читай и публикуй бесплатно».

Она пролистала раздел «Популярное». И её взгляд зацепился за обложку с названием «Зеркало».

Автор: Кирилл Морозов.

Серая зернистая фотография треснувшего зеркала выделялась на общем фоне приятным минимализмом. Рейтинг: три звезды. И два комментария: «Не понял ничего. Бред» и «Слишком умно, автор выпендривается».

Лида хмыкнула. Её всегда веселили подобные умозаключения.

В свой адрес она тоже такие получала. В её маленьком блоге были женщины, которые писали: «автор выпендривается» или «поучись писать у Карамзина, выскочка».

Лида скачала ознакомительный фрагмент. И начала читать.

«Каждое моё утро начиналось со стука чайной ложки из старого советского сервиза...»

Лида прочитала эти строки. И остановилась.

Она тоже слышала этот звук каждое утро, когда Игорь размешивал смузи из сельдерея. По этому заунывному ритмичному лязганью можно было сверять часы. И Лида никогда не думала, что кто-то помимо неё будет придавать такой мелочи значение. А тут какой-то писатель из самиздата...

Лида снова уставилась в текст. Через пятнадцать минут ознакомительный фрагмент кончился, и она поняла, что не хочет останавливаться. То, что она читала, было похоже даже не на книгу, а скорее — на разговор с самим собой. Как будто кто-то сидел где-то далеко и думал те же мысли, что ежедневно думала она.

Следующие два дня Лида провела в телефоне.

Она читала роман ночью, когда Игорь спал. И утром, когда он размешивал свой сельдереевый смузи.

Она слушала его в машине по дороге к врачу — в тот день у неё был плановый осмотр перед попыткой ЭКО. Она сидела в очереди среди женщин с озабоченными лицами и мужей с виноватыми глазами, и читала.

Всё написанное было про неё. Конечно, не буквально. В романе не было женщины из небоскрёба. Или мужа-ресторатора. Но было то самое чувство пустоты, которое Лида но-

сила в себе последний год.

И какой-то Кирилл Морозов из самиздата, с рейтингом в три звезды, догадался написать об этом.

Дочитав последнюю страницу, она ещё какое-то время сидела задумавшись над горящим экраном телефона.

А потом сделала то, чего не делала никогда в своей жизни. Зашла в профиль автора.

Пусто. Только имя — Кирилл Морозов. И электронная почта внизу.

Лида скопировала адрес и начала писать.

Тема: Ваше зеркало у меня.

"Кирилл, здравствуйте.

Я не знаю, с чего принято начинать письма незнакомым авторам. «Дорогой писатель» — звучит как обращение к Деду Морозу. Поэтому давайте без зачина — всё равно вы, судя по всему, не любитель формальностей. «Зеркало» — это лучшая книга, которую я прочитала в последнее время. Потому что это действительно зеркало. В котором я себя увидела. И да... я не из тех, кто пишет восторженные отзывы всем подряд. Обычно я вообще ничего не пишу. Но ваш текст проделал во мне дыру. Приходится как-то реагировать.

Помните сцену в самом начале, где лирический герой слушает один и тот же стук чайной ложки каждый день? Так вот. Мой муж каждое утро размешивает смузи из сельдерея серебряной ложкой ровно тридцать секунд. Пять лет я слышу этот звук. Вот такое вот совпадение.

В общем, я хотела сказать спасибо. И ещё — что ваш текст не «бред», как пишут в комментариях.

P.S. Кстати, меня зовут Лида Рублева, и я тоже из Москвы."

Она перечитала написанное.

Это было слишком по-дурацки. Но тут... чёрт его знает, что произошло. И она нажала «отправить».

Глава 3. В которой Лида снова смотрится в зеркало.

Он ответил через два дня. Лида уже успела убедить себя, что этого не случится, потому что автор с рейтингом в три звезды, вероятно, мизантроп, который не отвечает на письма.

Она сидела на кухне, пила кофе и смотрела, как Игорь загружает в блендер очередную порцию зелени.

Вдруг телефон пиликнул.

Она глянула мельком. И просияла.

От: Кирилл Морозов

Тема: Re: Ваше зеркало у меня.

— Я сейчас. — сказала Лида мужу и подскочила со стула.

Она зашла в свою спальню. Они с Игорем давно спали в раздельных. И села на край кровати. И открыла письмо.

"Лида,

спасибо за письмо. Честно говоря, я думал, что мой роман читают две бывшие и лысеющий мужик лет сорока пяти в очках, который выискивает в самиздате тексты для отдела пыток какого-нибудь издательства. Теперь, выходит, и вы — самая неожиданная из этого квартета.

Про Деда Мороза смешно. Про то, что хороший текст должен проделывать дыру, я не согласен.

Я всегда думал, что наоборот. Что текст должен дыры затягивать...

На самом деле роман называется «Кто пишет». Но модераторы не любят неопределённостей в заголовках. Говорят, что читатель хочет знать, о ком книга. Как будто книга может быть о ком-то, кроме писателя. Смешные.

P.S. Я правда редко отвечаю на письма. И только тем, кто слышит стук ложки))

P.P.S. Кирилл, 32 года, тоже Москва."

Лида застыла взглядом на этих двух цифрах.

Тридцать два.

На четыре года младше неё.

Всего на четыре. Но в её мире, где мужчины всегда были старше на пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет, с парнем на четыре года младше и разговаривать-то было не о чем. Эти «четыре» ощущались психологической пропастью.

Лида никогда не любила мужчин-ровесников, а тем более младшеньких. Во-первых, потому что младшенькой привыкла быть она. А во-вторых... А во-вторых?... Да чёрт побери, он был умнее!

Лида тут же себя одёрнула. Так. Стоп! Почему она вообще обратила внимание на его возраст? Она же не думает, сколько лет бариста в кофейне, куда ходит каждое утро. Или про возраст водителя Игоря. Откуда тут такой интерес?..

Может быть, от того, что автор оказался моложе, но талантливее? Но эта мысль слишком быстро осела для того,

чтобы быть правдой.

Лида не завидовала его таланту.

Она встала с кровати и подошла к зеркалу, внимательно посмотрела на себя. Ровно на 36 лет она и выглядела.

Русые волосы, собранные в небрежный домашний пучок, уже были с лёгкими вкраплениями седины. Лицо выглядело свежо, но у глаз угадывались морщины. И кожа была далека от 25-летней. Хоть ещё и гладкая.

Лида сняла халат. Осталась в белье.

Грудь — нормальная. Живот — выпирает. Бёдра — округлые, и на внутренней стороне заметная сеточка целлюлита.

Лида повернулась боком. Посмотрела на себя в профиль. Попыталась втянуть живот. Отпустила.

«Женщина — это скоропортящийся товар» сказал ей один раз престарелый любовник, когда они обсуждали возраст.

— Время, Лида, увы, работает не на женщин. И его не повернёшь вспять. Время можно «купить» ненадолго, периодически раскошеливаясь на косметологов и пластику. Но мужики всё равно хотят молодых.

Эта фраза засела в голове как заноза, которую вовремя не вытащили и она загноилась.

И теперь, стоя перед зеркалом, Лида чувствовала себя издеи́ем с истекающим сроком годности.

Игорь был старше на двадцать лет. С ним Лида ощущала

себя молодой автоматически. По сравнению с его пятьюдесятью пятью её тридцать шесть казались юностью. Не нужно было втягивать живот. И думать о целлюлите. Она была молодой женой по определению.

Но даже Игорь иногда заглядывался на двадцатилетних. Например, в ресторане, когда официантка наклонялась слишком низко. Или на пляже, когда мимо проходила девица в бикини. Конечно, он не позволял себе лишнего. Но взгляд-то задерживался. Лида видела это. И мысленно проигрывала сравнение.

Она вздохнула, надела обратно халат. И не стала ничего отвечать на письмо.

Вечером в гости к Лиде пришла её подруга Света.

У Светы была своя кофейня в «Афимолле», двое детей от разных браков и стойкое убеждение, что Лида зря похоронила себя в этом небоскрёбе.

— Ну, рассказывай, — кивнула Света, усаживаясь на диване. — Ты сегодня какая-то стремная.

— Спасибо, — усмехнулась Лида.

— Да не за что. Так что случилось?

Лида помолчала. Она не привыкла жаловаться.

— Ну что-что. Мне вот тридцать шесть.

— Я это помню. — кивнула Света.

— Молодость прошла.

Подруга фыркнула:

— Ты просто себя не видишь со стороны. Ты красивая.

У тебя фигура, как у девочки в двадцать пять. И лицо без ботокса, а это сейчас редкость.

— У меня целлюлит. И живот.

— У меня тоже. Кому это мешает?

— Всем.

Света задумалась. Потом посмотрела на Лиду взглядом, которым смотрят на подругу, когда понимают, что дело не в целлюлите.

— Ты грустная из-за мужчин?

— Не из-за мужчин. Из-за себя.

— Так что с тобой не так помимо целлюлита?

Лида вздохнула.

— Помнишь Абдуразакова? — начала она.

Света кивнула.

— Один раз он сказал мне, что женщина — это скоропортящийся товар. И что мужчины предпочитают молодых.

— Конечно, он предпочитает молодых, после того как жена постарше отсудила у него бутик на Бронной и дом в Жуковском. Молодых любить дешевле. — Света расхохоталась.

Лида тоже улыбнулась, но продолжила мысль:

— А как не поверить, Свет? Если вокруг — одни подтверждения. Это биология. А у меня уже срок годности истекает. Ещё пара лет — и всё. Спишут в утиль.

Света откинулась на спинку дивана. Грустно посмотрела на подругу, а потом вдруг хитро улыбнулась:

— Знаешь, что тебе нужно?

— Курс антицеллюлитного массажа?

— Да вот еще! Тебе, Лидка, нужен молодой любовник.

Лидка поперхнулась.

— Ты сдурела?!

— Ничуть! И главное, не чей-то мажористый сыночка,!—

не унималась Света. — А обычный парень. Просто молодой. Который посмотрит на тебя и скажет: «Ты офигенная, Лидка!». И ты ему поверишь. Потому что у молодых ещё нет вот этого цинизма дяди Абдуразакова. Они ещё не научились врать.

— Парестань!

— Я дело говорю. Тебе нужен тот, кто скажет, что с тобой всё окей. И это не я, не твой Игорёк и не психолог. Потому что если ты услышишь это от нас, то примешь как должное. А если от молодого пупсика — это сломает твой шаблон. Понимаешь?

— Понимаю. Но я не привыкла изменять мужу, Света.

— Да, я вижу. Ты привыкла изменять только себе.

Лидка замолчала. В голове у неё крутилось: «Кирилл Морозов, 32 года».

И эта мысль уже зацепилась.

Глава 4. В которой Кирилл Морозов проверяет почту.

Кирилл Морозов проверял почту один раз в неделю. Делать это чаще не имело никакого смысла. Он жил жизнью человека, который использовал емейл исключительно для того, чтобы указывать его как логин для различных сервисов. Да и вообще. Кто нынче пользуется электронной почтой по назначению? Скажем, для дружеской переписки?

И вдруг это письмо

Он обнаружил его около двух часов ночи, восстанавливая забытый пароль от личного кабинета автора в издательстве.

Тема: Ваше зеркало у меня.

Кирилл недоверчиво жамкнул по чёрным буквам заголовка, подозревая какой-нибудь магазин хозтоваров в изошрённом спаме. И начал читать.

И это был не спам.

Она шутила, попадая с ним во внутренний резонанс.

Она заметила стук ложки.

И разговаривала в том же ритме, в каком он писал. Это удивило его ещё больше. Но ровно до тех пор, пока он не вспомнил, что такой эффект мог получиться из-за того, что она только что закончила читать его роман, а темп текста в голове остался. Кажется, у этого понятия был даже термин.

Который он забыл.

Ладно. Допустим. Но даже учитывая эти обстоятельства, она всё равно была странная. Нормальная не стала бы писать письма, а оставила бы комментарий в профиле автора. По крайней мере, это было бы полезно для рейтинга. Кирилл и сам так сделал бы, будь он на месте читателя.

Он отложил телефон. Закурил.

Лида Рублева.

Ассоциативный ряд подкинул ему Андрея Рублева. Потом возникло ощущение, что недавно он где-то уже видел или слышал эту фамилию, но не в отношении иконописца.

Кирилл задумался, как эта Лида Рублева могла бы выглядеть? Он любил представлять. Это развивало воображение. В детстве Кирилл читал много книг без картинок, потому что его бабушка, всю жизнь проработавшая в советском детском саду, говорила, что так полезнее для фантазии.

Лида Рублева представлялась ему ироничной студенткой филфака. В рубашке с длинным рукавом в мелкий цветочек и в очках. Такая на волне интеллектуальной дурости. Может быть, она даже писала диссертацию о том, как Болконский разговаривал с дубом. Слишком уж точно она чувствовала текст. А по ночам тайком штудировала самиздат? Потому что настоящая современная литература уже давно переехала туда, а в издательствах осталась классика и коммерческая чушь про попаданок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.